

18+

Владимир Бахмутов

ГОРНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ

Владимир Бахмутов

Горные инженеры

«Издательские решения»

Бахмутов В.

Горные инженеры / В. Бахмутов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982547-6

Это было в начале 50-х годов минувшего века. Мы жили тогда в Свердловске, отец мой служил в Уральском военном округе, где командующим был Георгий Константинович Жуков. Я со своими сверстниками-одноклассниками, обуреваемые мальчишеским любопытством, частенько толпились в сквере неподалёку от памятника Свердлову против штаба Уральского военного округа в надежде увидеть прославленного героя минувшей войны, — маршала Победы, как его тогда называли.

ISBN 978-5-44-982547-6

© Бахмутов В.
© Издательские решения

Содержание

Мой путь к горному делу	6
Первая практика	8
Встреча с чародеем	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Горные инженеры Владимир Бахмутов

© Владимир Бахмутов, 2020

ISBN 978-5-4498-2547-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой путь к горному делу

Это было в начале 50-х годов минувшего века. Мы жили тогда в Свердловске, отец мой служил в Уральском военном округе, где командующим был Георгий Константинович Жуков. Я со своими сверстниками-одноклассниками, обуреваемые мальчишеским любопытством, частенько толпились в сквере неподалёку от памятника Свердлову против штаба Уральского военного округа в надежде увидеть прославленного героя минувшей войны, – маршала Победы, как его тогда называли. Он, если не был в это время в отъезде, подъезжал к штабу на ЗИС-110, – единственном в городе автомобиле такого класса.

Солдат-водитель услужливо распахивал дверь машины и коренастый, крепко сбитый маршал неторопливо следовал ко входу в здание. Это были минуты мальчишеского кайфа, о чём потом не один день было разговоров в школе и дома.

*

В 1956 году я окончил школу и, желая осуществить свою мечту, – стать геологом, подал документы в Свердловский горный институт на специальность «Разведка месторождений полезных ископаемых». Надо сказать, что это было время массового увлечения молодёжи геологией. Страна гордилась недавним открытием знаменитой «Трубки Мир», – месторождения алмазов в Якутии, об этом много писали в газетах и говорили по радио.

Я неплохо учился в школе, но отличником не был, и когда перед вступительными экзаменами конкурс на специальность достиг 12 человек на место, я дрогнул. Мечта мечтой, но здравого рассудка я не потерял, – сознавал, что через такую толпу мне не прорваться. Еще более страшным было безрезультатно потерять год, тем более что не было гарантии, что на следующий год конкурс будет меньше.

Кто-то из сочувствовавших нам преподавателей, услышав упаднические разговоры абитуриентов, сказал нам, что конкурс на специальность «Подземная разработка месторождений» значительно меньше, и если не хотите терять год – поступайте туда, там геологоразведкой тоже занимаются. Многие из нас приняли этот совет. На уголь я поступать не захотел, предпочёл «Подземную разработку рудных месторождений».

Сейчас я уж и не помню, сколько нам пришлось сдавать экзаменов, помню только, что первым был русский язык, – сочинение на свободную тему. Ограничение состояло лишь в отведённом для этого времени. Рядом со мной за столом сидел такой же, как и я, неудачник, испугавшийся высокого конкурса на геологическую специальность.

Закончив написание сочинения, я внимательно прочёл его, чтобы убедиться, не допустил ли грамматических ошибок. Нет, – вроде всё правильно, но полной уверенности не было. Руководствуясь товарищескими отношениями, обратился к соседу, который к тому времени тоже завершил работу над своим сочинением:

– Будь добр, посмотри мою писанину, не налепил ли я ошибок. – Сам при этом приготовился к исполнению подобной же услуги в отношении своего товарища. Он быстро просмотрел моё сочинение, потом, подобно школьной учительнице, проверяющей тетрадки своих учеников, что-то зачеркнул, исправил. Я не успел воспротивиться такой несогласованной бесцеремонности, как он со словами «я тороплюсь» сунул мне в руки мою работу, сдал свою и выскользнул из аудитории.

– Что он там поначеркал, – поневоле подумал я. Глянул и обомлел. В двух местах вместо правильно написанных, но зачёркнутых выражений красовались их искажённые интерпретации, свидетельствующие о неуверенности автора и его дремучей безграмотности.

– Ах ты, гад, – мысленно, но чуть ли не в голос воскликнул я, – так вот как ты решил избавиться от конкурента. Придёшь на следующий экзамен, – непременно морду тебе набью.

Это не было пустым бахвальством. Я к тому времени действительно был физически неплохо развит.

Во всяком случае, на турнике, стоявшем на спортивной площадке двора нашего дома, в котором почти исключительно жили офицерские семьи, и даже существовала особая пропускная система, я без труда выполнял «склёпку» и всякие мелкие выкрутасы вплоть до появления мозолей на ладонях, пытался даже «крутить солнышко», но это у меня не получалось. Среди дворовых ребят «крутить солнышко» мог только Вовка Беспмятных.

Зато по утрам я без усталости то правой, то левой рукой вертел с подбросом валявшуюся на спортплощадке двадцатикилограммовую гирию, подтягивался сколько мог на турнике, а летними вечерами со своими, разделившимися на две группы сверстниками, играл в нечто, подобное баскетболу, забрасывая мяч в нижнюю секцию пожарной лестницы.

Зимой наши физические забавы становились ещё более изощрёнными. В дальнем углу двора, за трансформаторной будкой строили снежный городок, который защищала часть мальчишеской дворовой команды, вооружённая заранее подготовленными снежками, – плотно спрессованными шариками, размером с теннисный мяч, еще и смоченными водой и слегка подмороженными.

Штурмовавшая группа была вооружена тем же оружием. Никаких средств защиты, кроме собственных локтей и внимательной расторопности, не было. Это далеко не всегда помогало, и потому ярко синий «фонарь» где-нибудь на лбу или под глазом был довольно частым свидетельством участия в этой забаве. Жаловаться на свою собственную оплошность было, понятное дело, не принято.

Одним словом, поколение мальчишек послевоенного времени, – моих сверстников было боевым, готовым постоять за себя в любой обстановке. Именно с таким настроением я и явился в институт для сдачи очередного вступительного экзамена, готовый, как и намеревался, «набить морду» моему недоброжелателю. Однако из информационных листков, вывешенных в коридоре возле приёмной комиссии, вычитал, что он «провалился» со своим сочинением на экзамене по русскому языку, отчислен из числа абитуриентов и уже забрал документы. Себя я нашёл в списке успешно сдавших экзамен.

– Ну и чёрт с ним, – с облегчением подумал я, – при его предательской натуре, если не я, то кто-нибудь другой ему морду набьёт, ещё и не один раз.

Первая практика

В интернете случайно наткнулся на статью «Уральское Сан-Донато» и невольно погрузился в воспоминания.

1958 год. Мне 18 лет, оканчиваю второй курс горного факультета в Свердловском горном институте. Весенняя сессия, зачеты, экзамены... ну и, конечно, – любовь. Как это часто бывает в таком возрасте, ударился в поэзию, сам стал писать стихи и даже, сочинив мелодию, переложил их в задушевную песню. Кое-что в отрывках помню еще и сейчас, – на восьмом десятке лет:

А что? Ведь неплохие стихи для новичка. Разве не так?

Валюшка Валюшкой, но мне, увы, предстояло ехать на первую ознакомительную горную практику. Под Нижний Тагил, – в рудничный поселок Имени Ш интернационала, что расположен возле станции со звучным названием Сан-Донато.

История этого названия интересна сама по себе и потому достойна особого рассказа. Отпрыск знаменитого рода уральских заводчиков Демидовых, – действительный статский советник Анатолий Николаевич Демидов (1812—1870), являясь членом дипломатических миссий при российских посольствах в Париже, Вене и Риме, жил, главным образом, в Западной Европе. Он состоял в браке с принцессой Матильдой, – племянницей французского императора Наполеона I. Правда, его роман с принцессой продолжался всего лишь несколько лет и закончился разводом. Впоследствии Анатолий Николаевич купил в Тоскане (одна из центральных областей Италии) близ Флоренции княжество Сан-Донато, и получил право именоваться Демидовым, графом Сан-Донато.

Когда в 1878 году запустили Уральскую горнозаводскую железную дорогу, одну из станций назвали «Сан-Донато», – здесь находились земли, которыми владел граф Анатолий Демидов. На станцию выходили пути, соединявшие Высокогорский и Меднорудянский рудники, Нижнетагильский и Выйский заводы. В начале XX века через нее же связали построенную в 1908—1911 г. г. Алапаевско-Салдинскую железнодорожную ветку, напрямую соединившую Салдинские заводы с промышленными предприятиями Нижнего Тагила.

Уже в советское время на этих землях кроме железной руды были разведаны три колчеданные линзы. В 1924 году, именем Ш Интернационала назвали само медное месторождение, это название перешло и на выросший здесь поселок. Вскоре была сооружена первая шахта и в августе 1927 года выданы первые тонны медной руды. В мае 1936 года был заложен ствол новой шахты, – шахты «Капитальная». Вот на этой-то шахте нам, – группе студентов-горняков, и предстояло пройти первую горную ознакомительную практику.

Так случилось, что перед отъездом, я поссорился с Валюшкой. Не помню, что было тому причиной, но в памяти еще живы сочиненные по этому поводу стихи:

Впрочем, не об этом речь. Речь о практике. Название шахты, – «Капитальная» и то, что она вступила в действие всего лишь два десятилетия назад, рисовало в нашем воображении современное предприятие, оборудованное, что называется «по последнему слову». То, что мы увидели, потрясло нас до глубины души.

Представьте себе шахтную клеть площадью в один квадратный метр, в которой, прижавшись друг к другу, с трудом размещалось даже таких худосочных студентов, какими мы были, всего лишь пятеро. Я уж не говорю о тех ощущениях, которые мы испытали, когда пол клетки стал уходить из под наших ног, с каждой секундой ускоряя свое движение, и мы, судорожно вцепившись друг в друга, чуть ли не повисли в воздухе.

Впрочем, через несколько секунд почувствовали, что нас, будто гвозди, вбивают в этот самый пол, а вес каждого из нас, по крайней мере, утроился. Добавьте к этому, что сверху

лило в буквальном смысле, как их ведра, и если бы не прорезиненная роба и фибровая каска с подшлемником до плеч, мы в полминуты промокли бы до последней нитки.

Делиться впечатлениями не было времени. Только лишь клеть остановилась, как дородная женщина-стволовая, откатив решетчатую дверь, могучей рукой ухватила за гружёную рудой вагонетку и с криком:

– Живо освобождайте клеть, – покатила её на нас. Мы поспешно врассыпную кинулись вон. Подошел человек в робе, видимо уже ожидавший нашего прибытия, как потом оказалось, – начальник участка, хмыкнул, глядя на наши испуганные лица, сказал:

– Дождемся остальных и пойдем.

К моменту прибытия на рабочий горизонт очередной партии однокурсников мы уже успели «очухаться», наскоро обменялись впечатлениями, и встречали не менее обескураженных спуском своих товарищей язвительными репликами.

Нас собралось человек пятнадцать. Все, понятное дело, – ребята, но была среди нас и девушка, – Люба. Единственная в нашей группе девчонка. Явление это было достаточно редкое. Вообще-то при поступлении на учебу в горный институт никаких ограничений по половому признаку, конечно, не существовало. Но как-то было принято, что на специальность «подземная разработка месторождений» предпочтительно принимали ребят.

Девушки же в основном поступали на специальности «обогащение полезных ископаемых», «геологоразведка», а если уж на горный факультет, то на «шахтное строительство», в крайнем случае, – на «открытые горные работы», то есть, – карьеры. Но встречались вот такие настырные девки, – хочу на подземные горные работы, и все! Из таких и была наша Любаша.

Ко времени этой самой ознакомительной практики о горном деле мы, в общем-то, практически ничего не знали. Ведь на первом-втором курсе нам читали лекции общеобразовательные, – «сопромат», «теория машин и механизмов», – сокращенно ТММ (мы называли этот курс «тут моя могила»), «историю партии», конечно. Был, правда и курс лекций «Основы горного дела», но основы они и есть основы, – «галопом по Европам».

Кое-какие картинки в памяти все же остались. Здесь же мы получили возможность увидеть все это воочию, – и как выглядит шахтный ствол, и что такое околоствольный двор, штрек, как он закреплен, как выглядит крепежная рама и многое другое. Часа, наверно, три водил нас участковый по выработкам, рассказывая об азах горного дела.

Что-то мы усвоили, что-то оказалось выше нашего понимания. Во всяком случае, такие термины, как «система разработки», «технология проходческих работ», которыми оперировал наш провожатый, были для нас в то время понятиями абстрактными и ничего не добавили к нашим знаниям, кроме, разве что, укрепления в сознании важности и солидности избранной нами профессии.

Были в тот день и еще сюрпризы. Участковый привел нас в забой, чтобы рассказать, как осуществляется проходка горной выработки. Здесь последние метров десять были еще не закреплены, и мы поневоле заглядывались по сторонам, а больше всего – на кровлю, где над нами нависал неровный каменный свод с выступающими остроугольными глыбами, казавшимися еще более грозными в неровном свете шахтерских фонарей. Под ногами хлюпало, с кровли капала, порою даже прерывистыми струйками стекала вода. Обстановочка, прямо скажем ....

Остановились у забоя. Вокруг валялся всякий мусор, – смятые комки пропарафиненной бумаги, обрезки, как нам показалось, каких-то веревок. На поверхности забоя виднелись десятка два отверстий, из которых свисали собранные в пучок концы огнепроводных шнуров. Провожатый стал рассказывать, как готовится забой к очередной отпалке. Стоявший рядом со мной Витька Климов наклонился и поднял несколько обрезков шнура, какие-то короткие трубочки, и сразу же сунул их в карман.

Что-то еще белело в самом углу забоя. Он подошел ближе, подсветил фонарем и не удержался от восклицания.

– А это-то здесь для чего?

Участковый остановил свой рассказ, как и все остальные, обратил свой взгляд на Витьку. Тот показывал на горку валявшихся в углу забоя расправленных, блестевших тальковой пылью презервативов. Послышались недоуменные восклицания и среди ребят. Все уставились на участкового в ожидании объяснений, изредка кося глазом на Любу. А та, что называется, и ухом не повела, – тоже вопросительно смотрела на участкового.

– Поразбросали тут... – сердито проворчал участковый в никуда. Наклонился, подобрал с земли, как и Витька, короткую трубочку, обрезок огнепроводного шнура. Потом, уже обращаясь к нам, стал объяснять:

– Ну, я же говорю вам, – забой сырой. Поэтому при зарядании шпуров, особенно нижних, – наиболее обводненных, патроны-боевики, чтобы при взрыве не было отказов, помещают в гидроизоляцию, в качестве которой наши «изобретатели» – взрывники и наловчились использовать вот это изделие.

Берем их, понятное дело, не в аптеке, а крупными партиями прямо с завода, потому-то и вид у них такой. Дешево, функции свои выполняет, и по своим размерам как раз подходит под двухсотграммовые патроны скального аммонита. Что такое патрон-боевик, я надеюсь, вы знаете? – Участковый вопросительно посмотрел на нас.

В ответ ему было невразумительное мычание. Его слушатели в этот момент, вероятно, мысленно рисовали себе, как выглядит двухсотграммовый патрон взрывчатки, помещенный в презерватив. Впрочем, кто-то с запозданием все же ответил:

– На картинке видели.

Участковый показал нам поднятую с земли трубочку.

– Вот это и есть капсюль-детонатор. В нем легко воспламеняющаяся смесь, – гремучая ртуть и небольшой заряд взрывчатого вещества. Трубочка наполовину пустая, в неё вводится огнепроводный, или, как его еще называют, бикфордов шнур, и закрепляется в капсюле специальным инструментом. – Он показал, как это делается, – ввел обрезок шнура в капсюль, двумя пальцами показал, в каком месте обжимается гильза. Продолжил:

– В сборе все это называется зажигательной трубкой. Взрывник с помощью специального штыря делает в патроне взрывчатки прокол-углубление, вводит туда зажигательную трубку, особой петлей бикфордова шнура скрепляет всю эту конструкцию и помещает в эту самую гидроизоляцию.

Продолжая рассказывать, шевельнул сапогом скомканные куски пропарафиненной бумаги, явно проверяя, не валяются ли среди них еще и патроны взрывчатки, но ничего не обнаружил. С облегчением продолжил:

– После этого приступают к заряданию шпуров. Заряды взрываются в определенной последовательности, – сначала – врубовые, – он показал на шпуры в центральной части забоя. – Потом – отбойные, последними – оконтуривающие. Очередность взрывания регулируется длиной отрезков огнепроводного шнура, идущих от патронов-боевиков.

Вот почему здесь валяется столько обрезков, все они, как видите, разной длины. Собранные в пучок концы шнуров помещают в так называемый зажигательный патрончик, который обеспечивает их одновременное воспламенение. Сам же этот патрончик приводится в действие или электрическим способом дистанционно с помощью взрывной машинки, или тоже с помощью огнепроводного шнура такой длины, которая позволяет взрывнику удалиться от забоя на безопасное расстояние. Все понятно? – Озабоченно посмотрел на часы.

– Понятно, – загалдели ему в ответ.

– Ну, тогда пошли. Сейчас должен взрывник подойти, ему еще нужно успеть сеть смонтировать. Не будем ему мешать.

Все двинулись за участковым. Только Витька, приотстав, наклонился, хапнул, и сунул в карман горсть презервативов.

Уже при выходе на главный откаточный штрек увидели шагавшего нам навстречу молодого рабочего. Участковый встретил его сердитыми словами:

– Ты что, Николай, разбросал там все, – и капсюли и резинки. Богато, что ли, живешь? Так я могу и раскулачить.

– Да соберу я все, – ответил Николай и торопливо прошмыгнул мимо.

Последний в этот день сюрприз ждал нас, когда мы уже готовились подняться на гора. Треснуло вдруг так, что казалось сама шахта раскололась пополам. Тугой воздушной волной ударило по ушам, в ушах зазвенело. Мы невольно съежились, втянув головы в плечи, почувствовали, как по загревкам побежали мурашки. С испугом глянули на участкового, который в это время стоял у висевшего на стене громоздкого в шахтном исполнении телефонного аппарата, собираясь, видимо, звонить кому-то на гора.

Он и ухом не повел. Бросил только:

– Это Николай отпалку произвел.

*

Вечером к нам в общежитие «для разбора полетов» заглянул наш куратор, – доцент горного факультета Василий Петрович Казаков. Человек предпенсионного возраста, фронтовик, выпускник нашего же института начала 20-х годов, он был у нас кем-то вроде няньки, или «классной дамы». Своей опекой он нас сильно не досаждал, но, как это ни удивительно, много знал о каждом из нас, успешно решал с комендантом общежития вопросы нашего быта, и в меру сил следил за содержательностью нашего досуга. При этом, будучи неисчерпаемым источником разного рода знаний по горному делу, был нашим профессиональным консультантом.

Естественно мы сразу же обрушили на него эмоциональный заряд полученных впечатлений, навалились с разного рода вопросами, которые постеснялись задать водившему нас по шахте участковому. Он слушал нас внимательно, вместе с нами смеялся над нашими страхами. Глаза его по-молодому искрились неподдельным добрым пониманием и юмором.

Да, – говорил он, бережно укладывая на край стола искалеченную на фронте левую руку, – месторождение действительно очень сильно обводнено. Льет там изо всех щелей и трещин. К тому же вода еще и кислотная. А то, что клеть из под ног уходила, так это потому, что вы припоздали со спуском. Когда рабочие на смену спускаются, подъемная машина работает в другом режиме, – клеть спускается и поднимается плавно и с меньшей скоростью. А после того, когда смена спустилась и начинается подъем руды и пустой породы в вагонетках, подъемная машина переходит на другой, – грузовой, ускоренный режим работы. Машинист подъемной машины работает, как шофер, который везет в кузове дрова. Вот вы и попали на этот другой режим. Но ведь ничего не случилось? – он вопросительно посмотрел на нас, – зато какой комплекс ощущений!

– Ну, а что же это нас отправили на ознакомительную практику на такую допотопную шахтенку? – спросил куратора Толя Кожухов. Он был постарше нас, отслужил в армии, и даже где-то успел поработать на шахте. – Разве нельзя было направить на новую большую шахту с современной техникой.

Василий Петрович от такого серьезного вопроса построжал, и отвечал тоже серьезно и обстоятельно:

– Ну, во-первых, шахтенка, как Вы выразились, не такая уж и допотопная, – ей всего-то около двух десятков лет. В ней и современная система вентиляции, и хорошо налаженный водоотлив с насосными камерами, и, как видели, – электровозная откатка. В то время как немало шахт, где еще не изжита конная.

– Конная откатка, – хохотнули мы, – это где «и молодого коногона несут с разбитой головой», – съёрничал Витька Климов. Куратор строго посмотрел на него, продолжил:

– Правда, клеть там действительно маленькая, руду поднимают в вагонетках, закатывая их вручную. Нет там ни опрокидывателей, ни скипового подъема. . . . А во-вторых направили вас на такую шахту действительно с непростыми условиями работ, в каком то смысле даже осознанно. Если вы после знакомства с такой шахтой не сбежите со своей специальности, поменяв её на какую-то другую, то со временем вырастут из вас настоящие горные инженеры, преданные своей профессии. . . .

Василий Петрович замолчал, о чем-то задумавшись.

*

Когда куратор ушел, мы навалились на Витьку. Он был деревенским парнем из глубинки с неистребимым хозяйско-крестьянским комплексом. Была у него такая слабость, – подбирал все, что попадет под руку с одной мыслью, – авось пригодится. Вот и здесь тоже.

– Ну, что ты всякое барахло подбираешь?

– Мне бы еще парой патронов взрывчатки разжиться, – пропустил Витька мимо ушей наше язвительное замечание, – рыбу глушить.

– Да ты чё, Витька, – это же браконьерство. Сколько при этом мелкой рыбешки погибнет.

– Много вы, городские, понимаете, – пренебрежительно бросил Витька, глядя на нас почти враждебно, – а поросят чем кормить? Да я сачком всю мелочь подберу, свиньи-то знают, как свежую рыбку любят.

Мы не нашли, что ему ответить.

Витькины находки и в самом деле «пригодились» ему уже в тот же вечер. Сначала он из окна второго этажа сбросил на головы девчонок, направлявшихся на танцы, презерватив с залитым в него полуведром воды. Вдоволь натешившись произведенным эффектом, пошел в туалет снаряжать новый сюрприз и надолго пропал. Мы занялись своими делами.

Поздно вечером, когда большая часть жильцов нашей десятиместной комнаты уже подремывали, вдруг раздался отчаянный вопль. Лешка Муравьев, вернувшийся с танцев, как это часто случалось, сходу, не раздеваясь, рухнул на свою койку. Под ним что-то щелкнуло, и через секунду он почувствовал, что лежит в луже, а его штаны и одеяло под ним стремительно мокрые.

Все проснулись, недоуменно глядя на Лешку. А тот, ругаясь на чем свет стоит, и лапая себя за мокрые штаны, обескураженно метался вокруг койки, пока не догадался откинуть одеяло. На промокшей простыне лежал лопнувший презерватив. С продавленного матраса на пол струйкой стекала вода.

Поняв, что произошло, мы хохотали до коликов в животе, созерцая Лешкино возмущение. Он кинулся искать Витьку, но того и след простыл. Нарисовался лишь утром, перед спуском в шахту, – видимо ночевал у однокурсников в другой комнате.

*

На другой день все было проще и обыденней. Участковый, встретив нас в околоствольном дворе, провел по откаточным выработкам к тому месту, где шла погрузка руды из люков, смонтированных в стенке выработки. Откуда поступала эта руда, мы толком не представляли. Под одним из люков все пространство, в том числе и рельсовые пути, на которых стояли вагонетки, было залито бетоноподобной массой, из которой торчали разных размеров куски руды. Участковый был немногословен:

– Нужно погрузить эту парашу в вагонетки, – сказал он, махнул рукой на добрую дюжину совковых лопат, прислоненных к стенке выработки, и пошел куда-то дальше по штреку.

Мы недоуменно переглянулись, почертыхались, и после короткой заминки приступили к делу. Читатель и сам может представить себе, насколько привлекательной и высокоинтеллектуальной была эта работа.

В последующие дни нас еще не раз привлекали к такому делу. Нужда в этом была постоянной. Вскоре мы увидели, что является причиной такого захламления выработок. Погрузку руды в вагонетки производили обычно два человека. Один управлял люковым затвором, поднимая и опуская его по мере заполнения вагонеток, голосом подавая команды машинисту электровоза о продвижении состава. А другой с ломиком в руках, который здесь называли «штричкой», выворачивал из люка крупные куски руды, которые порой застревали у самого выхода и мешали опустить затвор. Эффективность погрузки в значительной степени зависела от ловкости и физической силы рабочего со «штричкой», взаимной слаженности напарников в этой общей работе.

Самое неприятное происходило тогда, когда застрявший под затвором крупный кусок никак не удавалось выворотить в вагонетку. С обеих сторон от него начинала бурным потоком хлестать пульпа из воды и рудной мелочи с мелкими кусками руды. Сначала в вагонетку, а после её заполнения через вагонеточные борта на почву выработки и откаточные пути, заливая все вокруг. Люковой при этом судорожно поднимал и опускал затвор, пытаясь воспрепятствовать этому потоку, второй рабочий, выбиваясь из сил, старался вывернуть застрявший кусок, ему часто мешал в этом опущенный затвор. Я уж не говорю о многоэтажных выражениях напарников, которыми они обменивались.

Случалось порой и так, что в несколько минут этой «парашей» заливало все пространство вокруг чуть ли не на половину высоты вагонеток, и сами рабочие оказывались по колено залитыми этим месивом. Одним словом хлестало до тех пор, пока не опорожнялась та ёмкость наверху, из которой поступала руда.

Иногда нам поручали другую, не менее «интеллектуальную» работу, – ставить на рельсы «забурившуюся», то есть сошедшую с рельсов вагонетку. При том качестве, с каким были уложены на шахте рельсовые пути, это случалось довольно часто, – обычно где-нибудь на повороте. Машинисты электровозов знали об этом, старались вести состав на таких участках максимально медленно и осторожно, но избежать схода вагонеток с рельсов часто не удавалось.

Вернуть вагонетку на рельсовый путь не составляло особого труда, – вагонетки были небольшие и вмещали в себя не более тонны руды. Но бывало, что это не удавалось сделать. Тогда вагонетку опрокидывали, порожнюю ставили на рельсы, а высыпанную руду вновь грузили в вагонетку. Неблагодарная работа.

Мы быстро сообразили, что легче во время движения состава стоять у поворота и, упираясь спиной в стенку выработки ногой направлять движение вагонеток, не допуская схода её с рельсов, чем потом корячиться с их установкой на рельсы или разгрузкой-загрузкой. Руководство шахты по достоинству оценило нашу идею, и вскоре на шахте появилась новая должность-профессия, – люковой-проводящий. При погрузке состава он выполнял обязанности люкового, а при транспортировке работал ногами на поворотах, стараясь не допустить схода вагонеток с рельсового пути.

*

В одну из смен участковый, как обычно, привел нас к месту погрузки. Там стояла тишина. Люковые и машинист электровоза праздно сидели на корточках возле люка и курили. На вопрос: почему бездельничаете, ответили, – нет руды. Участковый посмотрел на часы, досадливо поморщился, оглянулся по сторонам. Я оказался ближе других, и он обратился ко мне.

– Как зовут тебя, парень? – Я ответил.

– Значит так, Володя, дуй по восстающему наверх. – Указал на лестницу возле люка, уходящую куда-то вверх. – Там спросишь горного мастера, – Алексеем Михалычем его зовут. Спроси, что там у него стряслось, почему нет руды?

Я хотел было что-то уточнить, но он меня не понял, сказал, скептически ухмыльнувшись:

– Да не дрейфь ты, не заблудишься, там негде заблудиться. Спросишь, и обратно, – вниз.

Я проверил, горит ли фонарь на каске, подошел к лестнице и полез. Тогда мы еще понятия не имели, что представляет собой эта выработка, – восстающий. Не обратил я внимания и на то, что лестница находилась рядом с люком.

Метра через четыре вылез на небольшую площадку, огляделся, увидел за спиной еще такую же лестницу, полез по ней. Не помню, насколько я поднялся, но не меньше, наверное, чем метров на тридцать. Каска с фонарем то и дело сползала мне на нос, я её поправлял рукавицей и лез дальше, пока от неловкого движения сработал выключатель и фонарь погас. Вокруг была кромешная темнота и, что называется, гробовая тишина. Я наощупь выбрался на очередной полк, прислонившись спиной к стенке, решил передохнуть и поправить фонарь, который что-то никак не загорался.

Меня немного тревожили слова, сказанные участковым: «что там у него стряслось?». Может быть, и в самом деле что-то случилось. И слово-то какое, со зловещим смыслом, – «стряслось». Я уже был наслышан о грозном явлении на шахтах – горных ударах, – внезапном разрушении горного массива, перенапряженного из-за деятельности под землей человека. Рассказывали, что при таких катастрофах воздушной волной сметает все вокруг, многотонные вагонетки летят по выработкам, как пули в ружейном стволе, не оставляя ничего живого.

Я нервно крутил выключатель, но фонарь никак не включался. Лампочка вспыхивала на мгновение, и снова гасла, – видимо окислился контакт выключателя. Где-то далеко наверху, над моей головой вдруг загромыхало, застучало, стенка к которой я прислонился, задрожала, заколебалась. Сверху что-то посыпалось, причем не мелочь какая-то, а крупные куски, – я чувствовал это по резкому вздрагиванию стенки у меня за спиной. Мысленно представил себе, как обрушается горный массив, куски породы летят на меня сверху, ломая лестницы, полки, вырывая стойки крепления, сметая все на своем пути. В одно мгновение по всему телу выступил холодный пот, мурашки забегали по спине, зашевелились волосы.

– Ну, вот, Вовка, и все, – мелькнуло в голове, – вот и конец. Всего лишь восемнадцать, – ничего в жизни толком еще и не видел. В долю секунды пролетели в голове картинки раннего детства, образ родителей, сестренки с братишкой. ... – Ладно еще, если ударит по башке камнем или деревяшкой и сразу потеряешь сознание. А если прижмет, засыпет, задавит грудь? Тогда предстоит мучительная смерть от удушья. ... Вспомнилось вдруг, – мама говорила, что я крещеный. Из груди невольно вырвалось:

– Господи!

Грохот уже слышался над самой головой, стенка качалась и ходила ходуном. Расширенными от ужаса глазами я смотрел в непроглядную темень, ожидая конца.

Так напугавшие меня жуткие звуки вдруг пролетели мимо, стенка перестала дрожать и ходить ходуном. Несколько мгновений удаляющийся грохот падающих камней еще слышался где-то снизу. На секунду все затихло, потом далеко наверху вновь послышался нарастающий грохот камнепада. ...

И тут меня осенило, – это же сверху спускают руду по другому, – рядом, через стенку отделению восстающего. Сейчас там внизу через люк её станут грузить в вагонетки. Мне удалось, наконец, поймать и удержать контакт. Фонарь засветился. Я осмотрел стенку, к которой прижимался. Через щели между венцами бревенчатой крепи сочилась «параша».

Подниматься наверх уже не имело смысла. Дрожащими руками я закрепил на каске фару шахтного фонаря, стал спускаться вниз. Когда чумазый, еще не отошедший от испуга вышел на штрек, однокашники с лопатами в руках подчищали пути. Встретивший меня участковый ни о чем не спрашивал.

– Присоединяйся, – махнул он рукой в сторону моих товарищей.

Я никому не стал рассказывать о своем испуге. Знал, – однокурсники засмеют, еще и прозвище какое-нибудь прилепят. Вернувшись в общежитие, залег на свою койку, не пошел даже ужинать, лежал, вновь и вновь переживая случившееся. Ребятам, пытавшимся меня растормо-

шить, сказал: устал что-то. Махнули на меня рукой. Слышал, когда уходили из комнаты, кто-то бросил: «О Валюхе, должно быть, скучает». Но мне в тот день было не до Валюхи.

В шахту, насколько я помню, нас больше не спускали. Водили на копер смотреть, как работает подъемная машина, показывали устройство отвалов, террикона, водили на обогательную фабрику. Там действительно работали в основном женщины. Объяснение технологических процессов мы, в общем-то, пропустили мимо ушей, – зачем, считали мы, нам знать что-то об этой девчоночьей профессии.

Случившееся со мной в восстающем осталось в моей памяти, как самое яркое впечатление от первой моей горной практики.

*

Я рассматриваю старую пожелтевшую фотографию, где среди однокурсников стою возле копра шахты «Капитальная» рудоуправления имени III интернационала. Все молодые, красивые. Мы в рабочих робах, на касках – шахтерские фонари, у меня в руке еще и котелок шахтного самоспасателя, – видимо, только что поднялись из шахты. Спрашиваю себя: ну и как, не сбежали мои однокурсники после этой практики на другую специальность, не изменили своей профессии?

Нет, не сбежали. Кроме, разве что, Женьки Хохлачева. Но можно ли назвать это побегом? Он трагически погиб на целине осенью того же года, когда нас отправили туда на уборку целинного урожая.

По-разному сложились судьбы моих друзей. Вот рядом с Женькой сидит на каком-то ящике Витька. Он раздобыл-таки взрывчатку, и когда мы поздней осенью вернулись в «альма матер» продолжать учебу, рассказывал нам, как глушил рыбу в речке за своей родной деревенькой. Не знаю, где он работал после окончания института, но много лет спустя, когда мы встретились на четвертьвековой юбилей окончания института, он уже был директором какого-то вычислительного центра в Перми.

Прильнув к Любаше, стоит Володя Ягнышев. Вот, оказывается, когда он уже «положил глаз» на Любу. На четвертом курсе они поженились, после окончания института уехали в Якутию, – Вовкину родину. Работая на руднике, сделали блестящую профессиональную карьеру, после чего вернулись в Свердловск, купили кооперативную квартиру и сразу же поступили в аспирантуру при нашей родной кафедре.

В глазах однокурсников, да и не только их, это была образцовая пара и в житейском и профессиональном отношениях. Я, в те годы тоже учившийся в аспирантуре, часто бывал со своей женой у них в гостях. Мы не могли не радоваться успехам этой счастливой семьи с их гостеприимством, просторной квартирой, обставленной новой югославской мебелью, медвежьей шкурой, расстеленной на полу в одной из комнат.

Но не напрасно говорят, что судьба переменчива. Уже когда оба они защитили диссертации, вдруг заколодило что-то в семье. Володя подал на развод. Люба противилась этому до последнего, даже пыталась прибегнуть к помощи партийных властей, чем, конечно же, вызвала неприязнь и осуждение многих своих недавних друзей. Этим она только ускорила развязку. После развода Володя женился второй раз и уехал с новой женой горным советником в Алжир.

Люба замкнулась в себе, ожесточилась. Впрочем, профессионально продолжала расти, и вскоре заняла должность ученого секретаря крупного института. Кто близок к науке, тот знает, сколь велики власть и полномочия в научно-исследовательском институте человека на этой должности. Люба, видимо, пользовалась ими в полной мере, если за глаза сотрудники стали называть её «мадам Тэтчер».

Пятым на фотографии, – Лешка Муравьев. Он из детдомовских. Его родители и все близкие погибли в войну. Женившись на последнем курсе, Лешка по распределению уехал с молодой женой в Иртышский полиметаллический комбинат. Вскоре на одном из небольших алтай-

ских рудников стал главным инженером. С женой Лешке не повезло. Несмотря на то, что он её боготворил, а может быть как раз именно поэтому, она сбежала от него с заезжим москвичом, забрав с собой дочку.

Как это часто бывает в подобных ситуациях, Алексей запил, был снят с должности и снова оказался в горных мастерах. Горные мастера на шахте, как лейтенанты в армии, – всегда на передовом рубеже, рядом со своими рабочими. Вот тогда-то Лешку и подстерегла беда.

Обстановка, в которой это случилось, очень похожа на ту, которую я описал выше. Из-за рокового стечения обстоятельств проломилась стенка ходового отделения восстающего, в котором он находился в это время вместе с молодым парнем, – помощником взрывника, и они оба сорвались, – упали в рудоспускное отделение. Произошло это перед самым взрывом забоя – там, наверху. Расследование показало, что они были еще живы, когда сверху обрушился камнепад, раздавив и задушив их, прижавшихся к углу рудоспуска. Ярко представляю, что чувствовал Лешка в последнюю минуту своей жизни.

Рядом с Лешкой на фотографии Саня Багин. Ему в жизни тоже не повезло. Где-то на пятом или шестом году после окончания института, он, работавший тогда на одном из уральских рудников, попал под взрыв сульфидной пыли. Или не оказалось ли у него под рукой самоспасателя, или были тому другие причины, но он сильно обгорел и обжег легкие. Его спасли, он остался жив, но, по существу стал инвалидом и был переведен, как тогда говорили, «на легкий труд», – в контору.

Последний на снимке – Юра Хрыжановский, или «Хрыж», как мы его звали за глаза. Он после окончания института долгое время работал на одном из нижнее-тагильских рудников. Как-то оказавшись там в командировке, я побывал у него в гостях. Вспоминали студенческое время, друзей-однокурсников. Юру почему-то очень интересовало, какие у меня были отношения с Валюхой, – видимо, тоже когда-то был к ней не равнодушен. В студенческие годы Юра был не плохим спортсменом, – футболистом. Никогда не курил. А вот умер рано, не дотянув и до пенсии.

С Валентиной у меня тогда, – после второго курса, «не сошлось». Она вышла замуж за парня с нашего же факультета, но другой специальности, – шахтостроителя. Я встретился с ней в Москве лет через двадцать после окончания института. Она работала в институте угольной промышленности. У неё был уже почти взрослый сын, – студент. У меня, к слову, к тому времени тоже было двое детей, уже росла первая внучка, и работал я заведующим научно-исследовательской лабораторией в Читинском филиале института ВНИИПрозолото.

Валентина пригласила меня в гости в свою шикарную квартиру, где в это время был только сын, – муж был в отъезде. Посидели, поговорили, вспоминая молодость. В ту памятную встречу она своим советом, может быть даже не сознавая этого, выручила меня из тяжелейшей профессиональной ситуации, в которой я тогда оказался. Впрочем, это уже другая история.

*

С грустью дочитываю статью об уральском Сан-Донато. Пишут, что последняя руда была выдана шахтой «Капитальная» в конце 80-х годов. Сейчас историю рудника можно изучать только по развалинам бывших шахт, – остались руины рудосортировки, надшахтного здания, здание административно-бытового комбината и копер.

Рядом разровненное содержимое бывшего террикона. Террикон вмещал более пяти миллионов тонн породы, из которой еще можно было извлечь (была бы рентабельная технология) около пяти тонн золота. Рассказывают, что эти отвалы хотели купить японцы с правом самовывоза, но наши власти гордо сказали: «Нет! Россия не продается!». Ну, а сами мы взять это золото так и не сумели.

Последний раз я получил письмо от своих однокурсников с приглашением на юбилейную встречу, – 50 лет со дня окончания института, три года назад. На встречу я не поехал, тому было множество причин. К приглашению был приложен список выпускников специальности

«Подземная разработка рудных месторождений» 1961-го года, с указанием, кто из них еще жив-здоров, кто еще работает, о ком нет никаких известий, а кто уже ушел «в мир иной».

– Ну, не идиоты ли, нашли, о чем писать, – шептал я, а сам внимательно, с замиранием сердца читал строчку за строчкой. Увы, большей части моих однокашников уже нет в живых. Можно сказать, что вся жизнь – позади, пора подводить итоги.

Помнишь, Валюшка, ту встречу, —
Вечер над парком спускался...

.....
Город окутала тьма,
Звезды на небе дрожали,
Улицы тихие, парки пустынные
Шелестом нас провожали.

...Мимо промчался вокзал,
Я не прощался с тобою,
Даже двух слов не сказал.

Тихий шахтерский поселок.
Дни незаметно бегут.
Голос твой тихий, улыбку веселую
Знаю забыть не смогу.

Встреча с чародеем

Это было летом 1958 года. Я вместе с группой своих однокурсников – студентов Свердловского горного института проходил тогда подземную ознакомительную практику на шахтах рудоуправления имени Третьего Интернационала, – неподалеку от станции Сан-Донато, что за Нижним Тагилом.

Вечером к нам в общежитие заглянул наш куратор, – доцент горного факультета Василий Петрович Казаков. Человек предпенсионного возраста, фронтовик, выпускник нашего же института начала 20-х годов, он был у нас кем-то вроде няньки, или «классной дамы». Своей опекой он нас сильно не досаждал, но, как ни удивительно, много знал о каждом из нас, успешно решал с комендантом общежития вопросы нашего быта, и в меру сил следил за содержательностью нашего досуга. Он то и объявил нам, что в субботу мы всей группой едем в Тагил смотреть представление Вольфа Мессинга, который, якобы, читает мысли людей на расстоянии.

Что мы в то время знали о Мессинге? Да ничего не знали! Заявление преподавателя, что он может читать мысли другого человека, вызвал у нас взрыв гомерического хохота и массу язвительных замечаний. Да и могли ли по-иному реагировать на это мальчишки, выросшие в трудное послевоенное время, воспитанные в материалистическом духе, не верившие ни в бога, ни в черта. Добавьте к этому ассоциации, которые вызвала у нас фамилия Мессинг. В послевоенные годы мы часто слышали фамилии Геринг, Геббельс, Борман, к которым вольно или невольно на подсознательном уровне тотчас отнесли и фамилию Мессинг.

Одним словом, никаких положительных эмоций и даже особого желания увидеть этого самого Мессинга сообщение нашего куратора у нас не вызвало. Более того, те из наших ребят, у кого родители жили в Тагиле или неподалеку, предпочли использовать наступавшие выходные для более полезного дела, – подались к мамкам. Тем не менее, нас, поехавших на представление, набралось человек пятнадцать.

Не помню, чтобы накануне мы обсуждали что-либо, связанное с предстоящим представлением, – наши головы были заняты другим. В те дни среди жителей Нижне-Тагильской округи прошел слух, будто две студентки-медички тайно усыпили и кастрировали знакомого им молодого парня, который, якобы, над одной из них грубо надругался, – изнасиловал. Говорили, что против них возбуждено уголовное дело, но что медицинские эксперты, привлеченные к этому делу, восхищены профессиональным мастерством, с каким была выполнена операция. Эта тема, понятное дело, привлекала нас – молодых больше, чем какой-то там Мессинг со своими фокусами, и потому, если мы что-то и говорили о предстоящей встрече, то, разве лишь то, что уж мы-то найдем способ разоблачить его хитрости.

Вот с таким настроением мы и явились в дом культуры, где в актовом зале предстояла встреча с Вольфом Мессингом. Зал был обычный, относительно небольшой, – мест на 150—200, с простенькой сценой, с которой в зал вели две короткие лесенки. Одна из них к тому же была бесхозно заставлена какими-то коробками.

Когда на сцене появился Вольф Мессинг мы, честно говоря, были немного шокированы. Он оказался уже немолодым человеком, – подстать нашему куратору, с копной серебрищихся волос и добродушным морщинистым, немного, как мне показалось, усталым лицом. В нем не было ничего от Геринга или Геббельса, как мы их себе представляли по карикатурам послевоенного времени. На фокусника он тоже не был похож. Впрочем, это не изменило нашего настроения и наших разоблачительных намерений.

Мессинг, не торопясь, обстоятельно рассказал нам об условиях опыта. Предложил втайне от него сформулировать сколь угодно сложную задачу со множеством разного рода действий и предметов и потом передать ему человека, который знал бы об этой задаче и последователь-

ности её выполнения, назвав его «индуктором» или «проводником мыслей». Заявил, что он, держа за руку этого человека, выполнит все, что мы задумали. Нас такая самоуверенность только разозлила и подтолкнула к самым изощренным выдумкам.

Публика, в зале была обычная, – молодежь, люди в возрасте, были и пожилые. Кто-то пришел сам по себе, кто-то с другом или подругой, наверное, были и такие, кто пришел всей семьей. Но такой дружной и большой командой явились только мы, и потому сразу же взяли «управление процессом» в свои руки. Всем дирижировал Васька Бельков, – наш староста. Он был старше большинства из нас, отслужил армию, относился к нам снисходительно, и считал, что мы должны ему беспрекословно подчиняться.

Прежде всего, двоих из наших он отправил наблюдать за Мессингом, чтобы ему каким то образом не были переданы наши секреты. Двум другим поручил наблюдать, чтобы пока мы будем придумывать задание, к нам не подошел бы и не подслушал наши разговоры кто-нибудь посторонний из зала.

Остальные во главе с Васькой сгрудились к углу зала, и принялись за дело. Первое, что нужно было сделать, – выбрать наше доверенное лицо, – «индуктора».

– Меня, меня назначьте, – с мольбой в глазах вдруг встрепенулся Юрка Шрейбер. – От меня он, ей богу, ничего не узнает. Честное слово. – Своё обещание он закрепил эффективным, модным в ту пору жестом, – чиркнул ногтем большого пальца правой руки по верхнему зубу, махнул ребром ладони поперек горла.

Васька оценивающе смерил взглядом тощую фигуру Юрки с его остроносым цыплячьим лицом и старомодными 30-х годов очками. Обратился к нам:

– Ну, как?

Несмотря на его непрезентабельный вид, мы знали Юркино упрямство, его настырный непримиримый характер. Послышались возгласы:

– А что, можно.

Юрка был счастлив. Приступили к составлению задания. Если бы вы знали, сколько при этом было выдвинуто идей, – одна другой изощреннее. Одни из них принимались, другие отвергались из-за абсурдности или двусмысленности. Нам, конечно, очень хотелось «посадить в лужу» этого фокусника, но при этом мы все же старались быть объективными и не придумывать «бред сивой кобылы в лунную ночь».

В конце концов, была составлена обширная программа-задание. Память не позволяет мне вспомнить её во всех деталях, но осталось воспоминание о её грандиозности и запутанности. Начиналась она с того, что Месстиг должен был спуститься в зал по левой захлавленной лестнице. С появлением такого предложения кто-то, помню, возразил, – зачем, мол, пускать деда по захлавленному пути. Но Васька уперся:

– А вот пусть и попросит, раз он читает мысли, тех наших, кто за ним наблюдает, чтобы расчистили ему дорогу. А ты, Юрка, мысленно дай ему такое приказание. – Возражений не последовало.

А дальше пошла и вовсе карусель. Он должен был пройти к пятому ряду.

– Папиросы есть у кого? – спросил Васька, который сам не курил.

– Есть, вот, – Вадим достал из кармана помятую, замызганную початую пачку «Прибоя».

– Ёкарный бабай! – воскликнул Васька, – где ты её так изнахратил? В шахту что ли брал?

Эту полюбившуюся ему прибаутку, – «ёкарный бабай», Васька привез из Средней Азии, где он служил срочную. Мы знали, что бабаем там называют стариков. А вот что означает «ёкарный», не знал никто, в том числе и сам Васька, вставлявший в разговор этого «бабая», где надо, и не надо.

– Ну, – утвердительно кивнул Вадим, не понимая причины Васькиного недовольства, – а что?

– Так я хотел, чтобы этот Мессинг отсчитал там третью, или пятую папиросу, а они тут у тебя все помяты и наполовину повысыпались...

– А у меня вот портсигар есть, правда в нем только две беломорины, – вклинился я в обсуждение, доставая из кармана свою гордость, – массивный мельхиоровый портсигар. На крышке портсигара было барельефное изображение университета на Ленинских горках, сбоку – красного стекла «пупочка» – защелка, которую при большом желании можно было принять за драгоценный рубинчик.

На внутренней поверхности портсигара моей рукой было нацарапано: «Внуку от деда в день рождения». Нет, дед, конечно, мне портсигара не дарил. Он и сам-то не курил. Он подарил мне в день рождения двадцать рублей, – чуть ли не полстипендии. И сказал, – купи себе в подарок сам, что тебе нравится. Вот я и купил. Нацарапанная же надпись придавала в глазах моих однокурсников легитимность моей вредной привычке и повышала, как мне казалось, мою взрослость. Можно было бы еще много чего рассказать об этом портсигаре, но не об этом речь.

– Так, – оживился Васька, с интересом разглядывая «дедов подарок», – пусть он возьмет у тебя портсигар, пройдет с ним к Вадиму. У него из пачки «Прибоя» переложит в него папиросы, вернет ему пустую пачку. Потом пусть отсчитает в портсигаре с левой стороны четвертую папиросу, вытащит её ..., – Васька задумался. Чтобы это еще придумать?

– Портсигар пусть вернет Вовке ..., – включился Генка Берснев.

– А папиросы мои? – возмутился Вадим.

– Потом разберетесь, – отмахнулся от него Генка, – с папиросой пусть пройдет к десятому ряду. Там кого-нибудь посадим нашего....

– Я там сяду – заявил молчавший до того Саня Багин, – а чё делать-то?

– Спички у тебя есть?

– Есть.

– Положи их куда подальше, где обычно их не держат, – во внутренний карман что ли.

Санька послушно переложил спички во внутренний карман пиджака.

– Так вот, пусть найдет у тебя спички, вернется со спичечной коробкой к пятому ряду, отдаст папиросу Вовке и даст ему прикурить.

– Это в зале то? – усомнился Саня в допустимости такого действия. – Пусть он лучше возьмет у меня Вовкины часы, – я у него утром брал, чтобы не опоздать, и вернет их Вовке. – Саня показал ручные часы с черным циферблатом у него на запястье. – Можно и не прикуривать, пусть только спичку зажжет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.